

Н.И. Барсов

Еще о спорных вопросах из
первоначальной истории
безпоповцев

Опубликовано:
Христианское чтение. 1877. № 7-8. С. 43-82.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Еще ¹⁾ о спорныхъ вопросахъ изъ первоначальной исторіи безпоповщины

(Отвѣтъ ²⁾ на статью П. Θ. Нильскаго, напечатанную въ первой книгѣ «Христ. Чтенія» за 1877 годъ).

Мнѣ искренно жаль, что полемика между мною и уважаемымъ расколовѣдомъ И. Θ. Нильскимъ приняла такіе размѣры, какихъ я и не желалъ и не ожидалъ. Тѣмъ не менѣе я считаю не только своимъ правомъ, но и своею обязанностію еще разъ возвратиться къ предмету нашего разногласія, не столько въ видахъ объясненія тѣхъ моихъ мнимыхъ промаховъ, противорѣчій самому себѣ и т. п., на которые мой почтенный противникъ указываетъ въ своей послѣдней статьѣ, сколько въ видахъ возможно-обстоятельнаго рѣшенія чисто-научнаго спора объ одномъ изъ наиболѣе важныхъ, по моему мнѣнію, предметовъ изъ первоначальной исторіи безпоповщины, (мимоходомъ замѣчу еще разъ моему противнику, что я не сочлъ бы для себя постыднымъ измѣнить свои воззрѣнія на тотъ или другой частный научный вопросъ, если бы они оказались ошибочными и вообще если бы видѣлъ къ тому достаточныя основанія).

Начну съ указываемыхъ имъ моихъ промаховъ.

I. *Промашъ первый:*

«Увѣряя, будто инокъ Корнилій не проповѣдывалъ обязательнаго

1) Первая статья Н. И. Барсова помѣщена въ «Хр. Чт.» 1876 г. № 11—12.
Ред.

2) Предлагаемая отвѣтная статья представлена въ редакцію еще въ концѣ февраля и опоздала печатаніемъ по независящимъ отъ автора обстоятельствамъ.
Ред.

безбрачія, онъ (т. е. г. Барсовъ) въ подтвержденіе своихъ словъ указывалъ на житіе инока Корнилія, напечатанное въ вольномъ переложеніи Максимовымъ въ его «разсказахъ изъ исторіи старообрядства», рекомендуя мнѣ *изслѣдовать это житіе*. Я его изслѣдовалъ въ первый же годъ появленія его въ свѣтъ».

Позволяю себѣ замѣтить г. Нильскому: житіе, о которомъ идетъ рѣчь, составленное „инокомъ“ Пахоміемъ, въ свѣтъ никогда не появлялось; оно доселѣ существуетъ лишь въ рукописяхъ (мнѣ оно извѣстно по рукописи императорской публичной библіотеки № 401). Спрашивается: какимъ образомъ г. Нильскій могъ „изслѣдовать *это житіе*“ въ первый же годъ появленія его въ свѣтъ? „Изслѣдовалъ“ г. Нильскій, если только можно назвать „изслѣдованіемъ“ „библіографическую замѣтку“ его въ Христіанскомъ Чтеніи (что, по моему мнѣнію, было бы по меньшей мѣрѣ не точно), не Пахоміево рукописное житіе инока Корнилія, а „разказы изъ исторіи старообрядства“ г. Максимова, въ которыхъ, какъ и въ замѣткѣ о нихъ г. Нильскаго, этому замѣчательному, на мой взглядъ, памятнику, народной литературы, отведено самое не видное мѣсто. Между тѣмъ я „совѣтовалъ г. Нильскому изслѣдовать по началамъ исторической критики“ не Максимовское вольное переложеніе, а именно самое житіе инока Корнилія, составленное Пахоміемъ, указавъ, гдѣ найти и экземпляръ этого житія. Странно было бы съ моей стороны совѣтовать „изслѣдовать по началамъ исторической критики“ вольное переложеніе или, точнѣе, фельетонный разказецъ, чуждый какихъ-бы то ни было научныхъ выводовъ и обобщеній. Я указывалъ въ своей замѣткѣ „объ изданіи въ свѣтъ раскольничьихъ рукописей“ (а не въ статьѣ „о спорныхъ вопросахъ“, на которую отвѣчаетъ г. Нильскій въ настоящемъ случаѣ) на „разказы“ Максимова въ подтвержденіе своей мысли о той относительной пользѣ, какую могутъ приносить изданія Кожанчикова для науки о расколѣ вообще и въ частности для г. Нильскаго при рѣшеніи имъ вопроса о томъ, какъ смотрѣлъ на бракъ пресловутый инокъ Корнилій, такъ какъ и въ этихъ разказахъ, при всемъ ихъ фельетонномъ характерѣ, находится изрѣченіе Корнилія, приведенное въ Пахоміевской

редакціи житія „о мамушкахъ и дѣтушкахъ“, о коровушкахъ и люлечкахъ“, въ которомъ (изрѣченіи) содержится прямое и категорическое опроверженіе взгляда г. Нильскаго на ученіе инока Корнилія о бракѣ. Если-бы нашъ почтенный расколовѣдъ дѣйствительно изслѣдовалъ если не самое житіе Корнилія, составленное Пахоміемъ, то по крайней мѣрѣ вольное переложеніе его, сдѣланное Максимовымъ, — онъ не могъ бы не остановиться на этомъ прореченіи Корнилія и сдѣлалъ бы какое-нибудь толкованіе его, хоть то, какое даетъ въ своихъ теперешнихъ отвѣтныхъ статьяхъ, вызванныхъ моими „спорными вопросами“. Но г. Нильскій, пиша не только свою „библиографическую замѣтку“ о книгѣ Максимова, но и свое изслѣдованіе „семейная жизнь въ русскомъ расколѣ“, не только не изслѣдовалъ, какъ увѣряетъ, Пахомовскаго житія Корнилія, но даже и не подозрѣвалъ, что *это* житіе со всеѣмъ не то, содержаніе котораго передано въ „Описаніи нѣкоторыхъ раскольниковыхъ сочиненій“ преосв. Никанора, которое составлено Семеномъ Денисовымъ и къ которому относится сказанное мною о фальсификаціяхъ и наростахъ, которое, наконецъ, сличить по началамъ исторической критики съ твореніемъ Пахомія я совѣтовалъ нашему почтенному расколовѣду для того, чтобы изучить весьма произвольный способъ составленія житій раскольниковыхъ святыхъ, усвоенный выговскими литераторами, и такимъ образомъ освободиться отъ Денисовски-раскольниковей идеализаціи жизни Выговцевъ, каковую я усматривалъ на страницахъ 25—31—сочиненія г. Нильскаго „семейная жизнь въ русскомъ расколѣ“. Доказательство того, что г. Нильскій и не подозрѣвалъ различія Пахоміевскаго житія Корнилія отъ Денисовскаго я вижу въ томъ, что г. Нильскій въ своей книгѣ вездѣ цитуетъ житіе Корнилія Денисовской редакціи или—описаніе его въ книгѣ преосвящ. Никанора, а о трудѣ Пахомія нигдѣ не упоминаетъ ни единымъ словомъ. Но вотъ бѣда: оказывается, что и въ Денисовской редакціи житія Корнилія, имѣющейся въ нашей академической библиотекѣ ¹⁾,

¹⁾ Страницы рукописи академич. библиотeki № 33 не понумерованы: прореченіе Корнилія читается въ ней въ самомъ концѣ—на послѣдней страницѣ.

содержится это знаменитое прореченіе Корнилія „о мамушкахъ и дѣтушкахъ, коровушкахъ и люлечкахъ“. Выходить одно изъ двухъ: или г. Нильскій и этого экземпляра, находящагося у него постоянно на рукахъ, не читаль, какъ не читаль житія Пахоміевой редакціи, а довольствовался изученіемъ 166—183 страницъ „описанія нѣкоторыхъ раскольничьихъ сочиненій“ преосв. Никанора, откуда и заимствовалъ свои ссылки на житіе Корнилія, и такъ какъ въ этомъ „Описаніи“ объ упомянутомъ прореченіи Корнилія не говорится вовсе, то и онъ, естественно, умолчалъ о немъ; или же г. Нильскій читаль Денисовское житіе Корнилія, и въ немъ прореченіе старца „о мамушкахъ и дѣтушкахъ“, но не счелъ возможнымъ упомянуть о немъ въ виду того, что въ немъ содержится прямое опроверженіе его мнѣнія, будто инокъ Корнилій ничего другаго не проповѣдываль, какъ только общеобязательное безбрачіе. Въ послѣднемъ случаѣ, какъ видитъ читатель, получаетъ полную силу мое заявленіе о томъ, что изложеніе г. Нильскаго на стр. 25—31 его книги тенденціозно, что нашъ почтенный расколовѣдъ, пиша свое сочиненіе, хотѣлъ дать не объективную исторію раскольничьяго ученія о бракѣ, а апологію, или даже панегирикъ жизни выговцевъ.

„Я изслѣдовалъ это житіе, продолжаетъ мой почтенный противникъ, и—читаль въ немъ слѣдующее: Корнилій въ послѣдніе годы своей жизни (замѣтьте—*въ послѣдніе годы*, слѣдовательно за г. Нильскимъ оставалось, въ виду словъ, слѣдующихъ затѣмъ въ Максимовскомъ пересказѣ житія Корнилія, право предположить, что *на первыхъ порахъ* своего пребыванія въ выговскихъ лѣсахъ и *во все послѣдующее время до послѣднихъ лѣтъ* своей жизни Корнилій училъ иначе) училъ окрестныхъ поселянъ (слѣдовательно не своихъ постоянныхъ сожителей, вмѣстѣ съ нимъ обитавшихъ въ выговскихъ лѣсахъ) иночествовать“. Подлинно, читалъ г. Нильскій эти слова, но не могъ же онъ не прочитать и словъ, непосредственно за ними слѣдующихъ у Максимова, о томъ, что Корнилій обѣщаль своимъ сожителямъ, что „когда мѣсто сіе (Выгорѣцкія) распространится и прославится, они заживутъ съ мамушками

и дѣтушками, съ коровушками и люлечками“. Отчего же въ своемъ изслѣдованіи онъ умолчалъ объ этихъ послѣднихъ словахъ, приведя только первыя? Или неудобно было упоминать о нихъ почтенному ученому послѣ того, какъ онъ взялся доказывать, что Корнилій училъ только общеобязательному безбрачію? „Да и самъ авторъ братьевъ Денисовыхъ, продолжаетъ нашъ расколѣдъ, на основаніи того же житія, говорилъ въ 1866 году, что Корнилій приходившихъ къ нему (да, приходившихъ къ нему, а не сожительствовавшихъ съ нимъ, — что, въ настоящемъ случаѣ, весьма важно) училъ дѣвственное и безженное житіе проходити“. Пусть извинитъ меня мой почтенный противникъ: на основаніи житія Корнилія Пахоміевой редакціи я въ 1866 году говорилъ буквально слѣдующее: „иногда же онъ (Корнилій) въ своихъ наставленіяхъ высказывалъ уже вовсе не тѣ мысли, какія долженъ былъ преподавать иночествующимъ; такъ онъ предсказывалъ, что когда мѣсто ихъ распространится и прославится во всѣхъ концѣхъ, они поселятся съ мамушками и съ дѣтушками, съ коровушками и люлечками“ (Бр. Денис. стр. 63). Какъ видитъ читатель, я въ 1866 году утверждалъ діаметрально противоположное тому, что приписываетъ мнѣ нашъ уважаемый расколѣдъ.

Что же, однако, проповѣдывалъ или не проповѣдывалъ инокъ Корнилій ученіе объ общеобязательномъ безбрачіи для раскольниковъ? Если и прежде, на основаніи одной лишь Пахоміевой редакціи житія Корнилія, я давалъ на этотъ вопросъ отвѣтъ отрицательный, то теперь, когда оказалось, что знаменитое прореченіе Корнилія о мамушкахъ и дѣтушкахъ находится и въ Денисовской редакціи житія, а не въ одной Пахоміевой, мнѣ кажется сомнѣваться въ правильности такого отвѣта нѣтъ ни малѣйшей возможности. Въ прореченіи Корнилія не опредѣлена съ точностію форма брачныхъ сопряженій раскольниковъ (что не было сдѣлано, какъ справедливо доказываетъ и г. Нильскій, и гораздо позже), — не сказано, будутъ-ли эти брачныя сопряженія совершаться чрезъ повѣнчанія священниками стараго поставленія, или никоніанскими, или

вновь добытыми съ востока, какъ это проектировали Вышатины, или же они должны происходить помимо какихъ бы-то ни-было видовъ молитвеннаго благословенія, — во всякомъ случаѣ какъ буквальный смыслъ прореченія, такъ и его форма несомнѣнно убѣждаютъ насъ, что Корнилій благословлялъ сожителство мужчинъ съ женщинами и рожденіе ими дѣтей, слѣдуя, можетъ быть принципу Аввакума: „аще не имуть іереевъ — для повѣнчаній — да живутъ просто“. Нашъ почтенный расколовѣдъ не хочетъ согласиться съ тѣмъ, чтобы эти слова Аввакума содержали въ себѣ разрѣшеніе сношеній мужчинъ съ женщинами въ расколѣ, не регулированныхъ никакою формою бракосочетанія. Намъ кажется, что смыслъ этихъ словъ лучше всего можетъ быть объясненъ чрезъ снесеніе ихъ съ другими, параллельными настоящему, выраженіями раскольничьей литературы. Такимъ образомъ ниже у Андрея Денисова и Ивана Алексѣева мы находимъ упоминаніе о раскольникахъ, „кои по познаніи (раскола) тако сопрягошася“: Аввакумово „просто“, Денисовское „такъ“ — выраженія, очевидно, однозначачія, указывающія на сношенія или даже сожителство мужчинъ съ женщинами въ расколѣ, не регулированныя какою-бы то ни было формою бракосочетанія и молитвеннаго благословенія, тотъ видъ отношеній мужчинъ къ женщинамъ въ расколѣ, который существовалъ въ безпоповщинѣ до временъ такъ называемаго новоженства, — противъ котораго возставали лучшіе люди въ расколѣ, требовавшіе, хотя безуспѣшно, безусловнаго цѣломудрія, какъ это мы видимъ на примѣръ въ постановленіи новгородскихъ безпоповцевъ, гдѣ сказано, что „безвѣчные браки имуть запрещеніе отъ царя Алексѣя Комнина“ (см. Христ. Чтеніе янв.—февр. 1877, стр. 259). Не нужно забывать приэтомъ, что Корнилій изрекъ свое прореченіе во время гоненій на Выговцевъ, когда они жили въ лѣсахъ и пустыняхъ, по выраженію Андрея Денисова, какъ „стадо въ ноци бурнѣй, не имущее пастыря“, когда, по его же свидѣтельству, многіе изъ обитавшихъ въ выговскихъ лѣсахъ раскольниковъ представляли не что иное, какъ „воровскихъ людей терніе“, были — „злехудож-

ные злые люди“, или, какъ выражаются официальные акты, „пу- щіе воры и разбойники“, когда мысль объ образованіи монастыр- скаго общежитія на Выгѣ не возникала еще между выговцами, и монахи, въ родѣ Корнилія, были единичными исключительными личностями между насельниками выговскихъ пустынь (см. Бр. Де- нисовы, стр. 75, 77 и др.).

Но того мало, что Корнилій проповѣдывалъ или, точнѣе, пред- сказывалъ семейную жизнь для выговцевъ: если Семень Денисовъ, нашедшій необходимымъ передѣлать житіе Корнилія, составленное Пахоміемъ, для того, чтобы исключить изъ него то, что не соот- вѣтствовало его тенденціи (между прочимъ—разсказъ объ искуше- ніи бывшемъ Корнилію отъ нѣкоей вдовы, у которой пришлось од- нажды заночевать „староскитскому аввѣ“) и вложить въ уста Кор- нилія свои стереотипныя фразы противъ никоніанскихъ новшествъ, призналъ за нужное однакожь удержатъ въ своемъ пересказѣ про- реченіе Корнилія о мамушкахъ и дѣтушкахъ, то, очевидно, онъ самъ раздѣлялъ убѣжденіе Корнилія о возможности супружескихъ сопряженій въ расколѣ и о необязательности безбрачія для всѣхъ. Это обстоятельство въ настоящемъ случаѣ въ высшей степени важно, такъ какъ проливаетъ свѣтъ на чрезвычайно неопредѣленныя, иногда загадочныя отношенія выговскихъ киноіарховъ къ вопросу о семей- ной жизни между поморскими раскольниками, подтверждаетъ выска- занныя мною (въ статьѣ: „спорные вопросы“) по этому предмету соображенія и оправдываетъ приведенныя мною (тамъ же) свидѣ- тельства изъ источниковъ православныхъ, доказательности которыхъ г. Нильскій не признаетъ.

Моему пониманію прореченія Корнилія, обращеннаго къ его со- жителямъ, нисколько не противорѣчатъ наставленія его „приходив- шимъ къ нему“ (между прочимъ Андрею Денисову, о которомъ въ его жизнеописаніи и въ его собственномъ надгробномъ словѣ Петру Прокопьеву прямо говорится, что онъ приходилъ внимать наставле- ніямъ староскитскаго аввы, когда задумалъ устроить свое общежи- тельство; между *приходившими*, по пересказу Максимова, были

также „окрестные поселяне“) „дѣвственное и безженное житіе проходить“: эти наставленія, какъ соглашается г. Нильскій слѣдую Максимову, Корнилій предлагалъ въ послѣдніе годы своей жизни, когда между выговцами созрѣла мысль о необходимости устройства обществительства или монастыря, когда около Андрея Денисова сгруппировалось достаточное число лицъ „монашествующихъ“. Къ этимъ „монашествующимъ“ исключительно и были обращены наставленія Корнилія о безусловномъ безбрачїи (въ чемъ соглашается со мною и г. Нильскій).

Опровергая мое мнѣніе, нашъ почтенный расколовѣдъ говоритъ (стр. 258—9): моему почтенному противнику очевидно неизвѣстно, что еще въ 1694 году новгородскіе беспоповцы постановили: брачное супружество совершенно отвергать законополагаемъ, потому что по грѣхамъ нашимъ въ таковыя времена достигохомъ, въ няже православнаго священства въ конецъ лишились, а по сему брачнымъ союзомъ не кому обязать, кромѣ какъ антихристовымъ попамъ. Если безбрачїе такимъ образомъ было установлено какъ законъ для всѣхъ беспоповцевъ еще въ 1694 году, ужели г. Барсовъ не допустить, что Корнилій, жившій, какъ видно, нѣсколько времени позже, проповѣдывалъ этотъ законъ? На это я отвѣчу: во первыхъ постановленія другихъ толковъ, какъ извѣстно, не были обязательны для жителей выговскихъ лѣсовъ, какъ это доказывается, между прочимъ и тѣмъ, что даже въ 1702 году, Θεодосій Васильевъ, глава беспоповцевъ новгородскихъ, прибывши на Выгъ, для того, чтобы склонить выговцевъ къ своему образу мыслей о титулѣ и о прочемъ, послѣ тщетныхъ препирательствъ ушелъ отъ выговцевъ ни съ чѣмъ, отряси прахъ отъ ногъ своихъ и сказавши: не буди намъ съ вами общенія ни въ семь вѣкѣ, ни въ будущемъ. Почти таже исторія приключилась, какъ извѣстно, нѣсколько позже съ извѣстнымъ Иваномъ Алексѣевымъ. Во вторыхъ нашему почтенному расколовѣду очевидно неизвѣстно, что не смотря на приведенное имъ „законоположеніе“ новгородскихъ раскольниковъ, эти послѣдніе еще усерднѣе, чѣмъ выговцы, практиковали теорію Аввакума и

Корнилія: „аще не имуть іереевъ — для повѣнчаній — да живутъ просто“. По словамъ Григорія Яковлева, кромѣ приведеннаго г. Нильскимъ законоположенія, у новгородцевъ-раскольниковъ былъ другой кодексъ правилъ (о „вышеупомянутомъ законоположеніи“ у Яковлева впрочемъ не говорится вовсе), между которыми одно, седьмое, гласитъ буквально слѣдующее. „Съ женами чужими и дѣвками единокровное сожитіе не зазорно имѣти. И ежели случится прижитіе скверное, питати невозбранно, родившимъ же дѣвкамъ, хотя бы пятьдесятъ, такъ держи, а въ бракъ не вступай, можешь покаяться и наки дѣвственникъ быти“ (Филарета обзоръ, ч. II, стр. 52).

«Указаніе г. Барсова на *извѣстное* пророченіе Корнилія, продолжаетъ г. Нильскій (замѣчу мимоходомъ: до нашей полемики *извѣстное* мнѣ, но какъ читатель знаетъ изъ предъидущаго, вовсе неизвѣстное г. Нильскому) ни мало не подтверждаетъ мысли моего противника, будто бы инокъ Корнилій не только не проповѣдывалъ безбрачія, а напротивъ обнадеживалъ своихъ учениковъ, жившихъ въ скитахъ, что современемъ они заживутъ правильною семейною жизнію: это прореченіе относится не къ скитамъ, а къ выговскому монастырю,—прошу г. Барсова справиться объ этомъ въ житіи Корнилія какой угодно редакціи—въ которомъ (монастырѣ) и по мнѣнію г. Барсова, Корнилій прямо совѣтовалъ всѣмъ чистоту тѣлесную хранить, дѣвственное и безженное житіе проходить».

На это я отвѣчаю: во первыхъ, если Корнилій совѣтовалъ *монастырю* дѣвственное и безженное житіе проходить, что совершенно естественно и съ чѣмъ, какъ видно изъ предъидущаго, я совершенно согласенъ, то какимъ образомъ *монастырю же* сей старецъ могъ предсказывать, что *въ немъ* современемъ пустынники заживутъ съ мамушками и дѣтушками? Объясненіе, по истинѣ непонятное! Выходить, по заключенію г. Нильскаго, что Корнилій въ одно и тоже время и узаконялъ дѣвственную жизнь для „монаховъ“ выговскихъ и давалъ имъ же совѣтъ или, пожалуй, надежду обзавестись мамушками и дѣтушками!! Ничего подобнаго на самомъ дѣлѣ не было и быть не могло. Прореченіе Корнилія относится

отнюдь не къ „монастырю“ выговскому, такъ какъ и произнесено еще до основанія монастыря, во времена гоненій, — (прошу г. Нильскаго справиться о томъ въ житіи Корнилія какой угодно редакціи) — и произнесено къ тѣмъ, кто приходилъ къ нему, для сожительства съ нимъ, а не въ монастырь, котораго, повторяю, въ то время и не было. Желавшихъ иночествовать Корнилій отсылалъ отъ себя къ другимъ авторитетнымъ подвижникамъ, обитавшимъ въ то время на Выгѣ, позже — къ Данилѣ и Андрею, и имъ-то дѣйствительно совѣтовалъ завести правильное монастырское общежительство, въ которомъ бы желающіе могли „дѣвственное и безженное житіе проходить“. Предсказаніе Корнилія даже по Денисовской редакціи, читается такъ: „и паки глагола (Корнилій): мѣсто *sic* распространится и прославится во всѣхъ концѣхъ, и многи спасутся творяще волю Божию, и ходящіи въ путехъ Его, по умноженіи, поселятся съ мамушками и дѣтками, съ коровушками и люлечками“. Эти слова, по Денисовской редакціи, составляютъ заключеніе всего житія, читаются на послѣдней его страницѣ и помѣщены тутъ Денисовымъ очевидно для того, чтобы показать, что тотъ видъ, какой имѣла „Выгорѣцкія“ во времена Семена Денисова и какой такъ краснорѣчиво описанъ имъ въ началѣ того же житія, былъ предсказанъ Корниліемъ.

«Кто не вѣсть или кто не слыша, о російстѣи древняго святоотческаго церковнодержанія подражателіе (такъ начинается Денисовъ житіе Корнилія), Выгорѣцкіи, иже близъ окіяна Бѣлаго или соловецкаго моря, на южной сторонѣ отъ моря къ Выгу рѣцѣ и чрезъ Выгозеро, и по другому Выгу въ верхъ яко вереть сто и больши отстоятъ, иже прилежить мало не вскрай отъ востока славнаго города озера Онега, въ предѣлахъ Олонца — города, иже отъ насельниковъ изъ разныхъ російскихъ градовъ, храненія ради старосіейскаго церковнодержанія собравшихся тако во всей Россіи прослы, яко и самѣмъ Императоромъ все-російскимъ слышати, въ ней же двѣ обители великія» и проч.

Очевидно, что „мѣсто *sic*“ въ прореченіи Корнилія означаетъ не монастырь, въ которомъ Корнилій никогда не жилъ, а всю Выгорѣцкую, равно какъ подъ „творящими волю Божию“ и ходящими

въ путѣхъ Его“, которые заживуть со временемъ семейною жизнію слѣдуетъ разумѣть не монаховъ, обитателей монастыря Богоявленскаго, а вообще раскольниковъ, обитавшихъ въ „Выгорѣціи“.

Таковы тѣ результаты, какіе я имѣлъ въ виду, когда говорилъ моему почтенному противнику о сличеніи по началамъ исторической критики двухъ редакцій житія инока Корнилія,—Пахоміевой и Денисовской.

II. *Промахъ второй:*

«Г. Барсовъ въ своей замѣткѣ между прочимъ говорилъ, что я въ своемъ сочиненіи обошелъ рассказъ о распутствѣ Выговцевъ Теофилакта Лопатинскаго, въ его «обличеніи неправды раскольниковскаго», не придавъ значенія показанію Круглаго, недобѣрчиво отнесся къ результатамъ добытымъ комиссіей Самарина, между тѣмъ въ обличеніи Теофилакта нѣтъ ни слова о распутствѣ Выговцевъ, показанія Круглаго приведены мною буквально, а на результаты, добытые комиссіей Самарина, я указывалъ какъ на свидѣтельство появившагося въ это время въ выговскихъ лѣсахъ особенно сильнаго разврата».

Что касается „обличенія“ Теофилакта, то я ссылаюсь на него не какъ на спеціальнѣйшій источникъ свѣдѣній о распутствѣ Выговцевъ, а какъ на памятникъ противораскольниковской полемики вообще (См. Церк. Вѣстн. 1866 г. № 20, стр. 3). Относительно свидѣтельствъ Круглаго и комисіи Самарина я никогда не говорилъ, что г. Нильскій не приводитъ или игнорируетъ эти свидѣтельства *въ своемъ сочиненіи*; я утверждалъ лишь, какъ утверждаю и теперь, что онъ не привелъ этихъ свидѣтельствъ тамъ, гдѣ имъ по моему мнѣнію слѣдовало быть. Я, какъ помнитъ читатель, не писалъ разбора всей книги г. Нильскаго; я рассматривалъ лишь его сужденіе на тему: „Выговцы не на словахъ только, но и на дѣлѣ по возможности соблюдали цѣломудріе“, находящееся на страницахъ 24—31 его сочиненія. Если бы здѣсь содержалось, соотвѣтственно заглавію сочиненія г. Нильскаго, простое объективно-безстрастное хронологически-последовательное изложеніе фактовъ, относящихся къ извѣстному періоду исторіи раскольниковскаго ученія о брацѣ, напирѣкъ къ періоду времени отъ появленія раскола въ Поморьѣ до

основанія Денисовымъ монастыря, свидѣтельства Круглаго и комисіи Самаряна могли бы быть приведены не здѣсь, а тамъ, гдѣ имъ слѣдуетъ быть соотвѣтственно хронологическому порядку разсказа; но въ указанномъ мѣстѣ сочиненія г. Нильскаго содержится общее разсужденіе, главная мысль котораго формулирована авторомъ въ видѣ заключительнаго предложенія: „Выговцы не на словахъ только, а и на дѣлѣ по возможности хранили цѣломудріе“ (стр. 31). Какъ видитъ читатель, тема эта обнимаетъ собою не одинъ или два года жизни Выговцевъ, какъ теперь доказываетъ г. Нильскій (Христ. Чтен. янв.—февр. стр. 351), а все время существованія Выговской пустыни, безъ ограниченій. При томъ авторъ прямо ставитъ вопросъ полемически или лучше сказать—апологетически: по этому онъ долженъ былъ не только привести положительныя доказательства своей мысли, но и опровергнуть все то, что было сказано тѣми, кто не раздѣляетъ этого его убѣжденія относительно жизни выговцевъ, имъ въ первые высказаннаго въ литературѣ. Что же дѣлаетъ нашъ почтенный расколовѣдъ? Онъ дѣлаетъ *подборъ* фактовъ, которые доказывали бы его мысль; одни изъ этихъ фактовъ дѣйствительно говорятъ по крайней мѣрѣ о заботливости выговскихъ настоятелей сдѣлать жизнь подвѣдомственныхъ имъ „монаховъ“ „по возможности цѣломудренною“ (г. Нильскому, кажется, что все дѣйствительно такъ и было, какъ проповѣдывали или проектировали выговскіе настоятели!). Другіе факты, сообщаемые впрочемъ раскольничьими писателями, могли быть истолкованы г. Нильскимъ въ пользу своего взгляда лишь съ большими натяжками, съ разными оговорками и ограниченіями; нѣкоторые факты, находящіеся въ исторіи же Выговской пустыни, какъ говорящіе безусловно противъ его взгляда, равно какъ *все свидѣтельство православно-официальнаго происхожденія*, изображающія жизнь Выговцевъ въ смыслѣ совершенно противоположномъ взгляду г. Нильскаго, онъ *игнорируетъ или прижидетъ недостоверными*. Правда потомъ въ разныхъ мѣстахъ книги является большая часть и этихъ мѣстъ, подобно полусохшимъ листьямъ, оторвавшимся отъ вѣтви

родной, безъ всякаго доказательнаго или характеризующаго значенія по отношенію къ занимающему насъ теперь вопросу, съ которымъ покончилъ авторъ на стр. 31-й, съ разными ограниченіями и оговорками, иногда съ опроверженіемъ ихъ смысла или даже подлинности, единственно какъ матеріаль не для характеристики уже *жизни* выговцевъ, а для исторіи раскольничьяго *ученія* о бракъ. Повторяю: коль скоро нашъ почтенный расколовѣдъ взялся доказывать на стр. 24—31, что выговы не на словахъ только, а и на дѣлѣ хранили по возможности цѣломудріе, не указавъ, о какомъ собственно времени жизни Выговцевъ онъ говоритъ, и не оговоривъ, въ какомъ же смыслѣ слѣдуетъ понимать свидѣтельства Круглаго, комисіи Самарина и многія другія, я въ правѣ былъ указать ему на это, какъ на упущеніе существенно важное, такъ какъ за неуказаніемъ упомянутыхъ данныхъ, содержащихся какъ въ раскольничьихъ, такъ и въ православныхъ источникахъ, разсужденіе г. Нильскаго является настоящимъ панегирикомъ жизни Выговцевъ. „Можетъ быть, говоритъ г. Нильскій, (стр. 232) г. Барсовъ съ большимъ, чѣмъ я, искусствомъ и правильностію расположилъ бы содержаніе первой главы моей книги“. Не въ искусствѣ расположенія мыслей, отвѣчу я, въ настоящемъ случаѣ дѣло, а въ присутствіи въ изложеніи г. Нильскаго неправильной, на мой взглядъ, мысли.

III. *Промакъ третій:*

«Г. Барсовъ совѣтовалъ мнѣ (говоритъ г. Нильскій) сличить по началамъ исторической критики рассказы исторіи Выговской пустыни съ житіемъ инока Корнилія по экземпляру нашей академической бібліотеки, а это послѣднее—съ біографическими сочиненіями Семена Денисова и потомъ житіемъ Корнилія по экземпляру публичной бібліотеки, сличить для того, чтобы я могъ видѣть, что все начало исторіи Выговской пустыни заимствовано Филиповымъ изъ надгробнаго слова Петру Прокопьеву Андрея Денисова, а дальнѣйшіе рассказы изъ житія Корнилія позднѣйшей редакціи, и что это житіе написано Семеномъ Денисовымъ; а между тѣмъ все это давно извѣстно всякому, кто читалъ < описаніе раскольничьихъ сочиненій Александра Б. >.

Я охотно вѣрю, что трудъ Александра Б. извѣстенъ г. Ниль-

скому не менѣе, чѣмъ мнѣ, — „описаніе сочиненій, написанныхъ раскольниками“ — настольная книга всякаго, занимающагося изученіемъ раскола. Но дѣло въ томъ, что библиографическія познанія нашего почтеннаго расколовѣда не повели его къ той научной работѣ, по отношенію къ которой эти познанія составляютъ лишь первую ступень, — къ примѣненію приѣмовъ исторической критики въ изученіи „Исторіи выговской пустыни“, какъ первоисточника для свѣдѣній о жизни Выговцевъ, — приѣмовъ, которые неизбѣжно привели-бы нашего изслѣдователя къ воззрѣніямъ на жизнь Выговцевъ діаметрально противоположнымъ тѣмъ, какія онъ высказываетъ въ своемъ сочиненіи, предохранили бы его отъ идеализаціи жизни Выговцевъ, не меньшей, если не большей той, какою представляютъ сочиненія Денисовыхъ. Выше мы видѣли примѣръ тѣхъ заключеній и выводовъ, къ какимъ могло бы привести г. Нильскаго критическое сличеніе двухъ редакцій житія Корнилія; что касается сличенія „Исторіи Выговской пустыни“ съ сочиненіями Денисовыхъ, то если дѣйствительно г. Нильскій зналъ, что начало исторіи Выговской пустыни принадлежитъ Андрею Денисову, а житіе Корнилія написано братомъ его Семеномъ, то какимъ образомъ онъ могъ такъ довѣрчиво отнестись къ этимъ рассказамъ? Вѣдь самъ авторъ „описанія нѣкоторыхъ раскольничьихъ сочиненій“, похваляющій Ивана Филипова, крайне неодобрительно относится къ сочиненіямъ Денисовыхъ, тщательно обличая всѣ сенсаціонные примѣсы и наросты въ этихъ сочиненіяхъ.

Г. Нильскій указываетъ еще на недостатокъ почтительности съ моей стороны къ такому авторитету, какъ Иванъ Филиповъ, которому не отказались засвидѣтельствовать свое почтеніе и авторъ „описанія нѣкоторыхъ раскольничьихъ сочиненій“, отзывающійся въ своемъ трудѣ о премникѣ Денисовыхъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, и мой московскій однофамилецъ Е. В. Барсовъ, котораго долговременное пребываніе въ олонецкомъ краѣ сдѣлало особенно компетентнымъ во всемъ, что касается тамошняго раскола (Христ. Чт. янв.—февр. стр. 247). На это я позволю себѣ замѣтить моему почтенному противнику, что еще

въ своей монографіи о Денисовыхъ я говорилъ объ Иванѣ Филиповѣ буквально слѣдующее:

« что касается Филипова, то онъ заслуживаетъ полного довѣрія тамъ, гдѣ говоритъ отъ себя: тамъ его разсказъ дышетъ искренностію и простодушіемъ (таковъ, напримѣръ, прибавлю теперь, его разсказъ о фактахъ распутства, обнаруженныхъ по доносу Круглаго, а равно его замѣчаніе о томъ, что въ его время грѣхи и беззаконія до того умножились между выговцами, что невозможно и говорить о нихъ—срама ради). Это былъ человекъ горячо и искренно преданный интересамъ своей общины» (Бр. Ден. стр. 67).

Но я тогда же замѣтилъ, что въ описаніи жизни выговцевъ, „продиктованномъ ему энтузіазмомъ, любовію къ своему кровному, родному, дѣло преувеличено, что въ этомъ описаніи больше личной благонамѣренности автора, нежели дѣйствительной подвижнической святости“ (тамъ же, стр. 84). А теперь, въ статьѣ: „спорные вопросы“, я прибавилъ, что онъ иногда завѣдомо лжетъ, именно когда поетъ, по заданному Денисовыми тону, похвальные гимны подвигамъ выговцевъ. И развѣ это не правда? Сличите разсказъ его объ Игнатіѣ Повѣнецкомъ, первомъ наставникѣ Андрея въ древнемъ благочестіи, котораго, рабски слѣдуя надгробному слову Петру Прокопьеву, составленному Андреемъ Денисовымъ, выговскій исторіографъ изображаетъ не только какъ страстотерпца, но и какъ мужа великихъ нравственныхъ доблестей, безъ какихъ бы то ни было недостатковъ, съ тѣмъ, что разсказываетъ о немъ митрополитъ тобольскій Игнатій въ своемъ третьемъ посланіи, или—св. Димитрій Ростовскій въ своемъ „Розыскѣ“. Или еще: возьмите разсказъ того же выговскаго исторіографа о Емельянѣ Повѣнецкомъ, его подвигахъ и страданіяхъ за древнее благочестіе (разсказъ этотъ опять буквально взятъ изъ надгробнаго слова Петру Прокопьеву) и сличите съ разсказомъ объ этомъ разбойникѣ игумена палеостровскаго Кирилла, о тѣхъ неистовствахъ, какія онъ съ своей шайкой производилъ между православными (см. Бр. Денис. стр. 78 и слѣд.). Неужели г. Нильскій будетъ доказывать, что и въ этомъ случаѣ разсказамъ выговскаго исторіографа слѣдуетъ вѣрить болѣе, чѣмъ свидѣльствамъ православ-

ныхъ архипастырей и гражданскихъ официальныхъ актовъ того времени?

IV. Приступая къ оцѣнкѣ приведенныхъ мною противъ него данныхъ, г. Нильскій прежде всего старается уличить меня въ противорѣчiahъ самому себѣ. Здѣсь, какъ естественно ожидать, онъ поражаетъ меня главнымъ образомъ моимъ же оружіемъ. Придерживаясь исключительно моей книги „Братья Андрей и Семенъ Денисовы“ и заимствуя по нѣскольку отрывочныхъ фразъ то съ той, то съ другой ея страницы, мой противникъ съ торжествомъ и укоризной нѣсколько разъ восклицаетъ: „какъ послѣ этого понимать увѣреніе г. Барсова, будто рѣшительно нѣтъ противорѣчія между тѣмъ, что онъ писалъ когда-то, и тѣмъ, что говоритъ теперь?“ Я „долженъ сознаться откровенно“, что былъ бы несказанно болѣе благодаренъ г. Нильскому, если бы онъ, ссылаясь на мой трудъ, заимствовалъ изъ него не отрывочныя фразы, настоящій смыслъ которыхъ лишь въ связи ихъ съ предъидущимъ и послѣдующимъ. При разсмотрѣніи дальнѣйшихъ разсужденій моего почтеннаго противника, имѣющихъ цѣлю опроверженіе моихъ „спорныхъ вопросовъ“, къ которому я теперь приступаю, читатель убѣдится въ основательности этого моего желанія, ибо окажется, что противорѣчій, указываемыхъ г. Нильскимъ, въ моихъ воззрѣніяхъ на самомъ дѣлѣ не существуетъ.

Прежде всего г. Нильскій старается оправдать сдѣланное имъ опущеніе свидѣтельства о жизни выговцевъ преосвящ. Игнатія тобольскаго:

«Считаю необходимымъ замѣтить (говоритъ онъ), что въ своей книгѣ я описывалъ жизнь Выговцевъ не со времени появленія раскола въ Поморѣ, а со времени прекращенія въ расколѣ православнаго священства и появленія въ немъ безпоповщины, съ ученіемъ объ обязательномъ для всѣхъ дѣвствѣ, т. е. съ конца XVII столѣтія или, точнѣе, со времени основанія Выговскаго монастыря».

Если такъ, замѣчу я, то по какому же нраву разсуждаетъ г. Нильскій объ ученіи Корнилія, который поучалъ выговцевъ до осно-

ванія монастыря? Съ какой стати онъ говоритъ объ ученіи Аввакума, рассказываетъ факты самосожженій, бывшихъ задолго до основанія Выговскаго монастыря? И если онъ хочетъ описывать жизнь выговцевъ лишь со времени прекращенія православнаго священства, то на какомъ основаніи онъ относитъ это прекращеніе ко времени основанія Выговскаго монастыря? Старыхъ поповъ не было уже задолго до основанія монастыря. Но главное, почему г. Нильскій не имѣлъ права миновать рассказъ митрополита Игнатія о каргопольскомъ пустынноиѣ и его ученіи, это то, что сочиненіе г. Нильскаго представляетъ, на стр. 24—31, какъ я уже замѣчалъ выше, не хронологическій рассказъ фактовъ, а общее разсужденіе, въ которомъ развивая свою мысль, о томъ, что выговцы постоянно хранили по возможности цѣломудріе, отнюдь не имѣлъ права, если бы не руководился мыслью защитить выговцевъ, миновать этотъ рассказъ, особенно если онъ не вѣренъ, какъ думаетъ г. Нильскій теперь (стр. 227), и что ему слѣдовало доказать тогда. Приведя мое замѣчаніе о томъ, что самъ Щаповъ не нашелся сказать что-либо противъ разсказа митроп. Игнатія о каргопольскомъ пустынноиѣ, г. Нильскій съ укоризною замѣчаетъ, что Щаповъ даже и не упоминаетъ о свидѣтельствѣ митр. Игнатія, что, слѣдовательно, ссылаясь на Щапова, я едѣлалъ новый промахъ. На это я замѣчу: потому и не упоминаетъ, что не нашелся сказать что-либо въ его опроверженіе. Когда я говорю, что Щаповъ не нашелся сказать что-либо въ опроверженіе разсказа Игнатія, я вовсе недумалъ тѣмъ самымъ утверждать, что онъ упоминаетъ о немъ. А что свидѣтельство Игнатія было, однакожь, ему извѣстно, и что онъ не упоминаетъ о немъ потому, что не нашелся сказать что-либо противъ него, видно изъ того, что едвали не самъ Щаповъ и редактировалъ посланія Игнатія въ „Правосл. Собесѣдникѣ“, и что во всякомъ случаѣ они были напечатаны прежде его сочиненія: „Русскій расколъ старообрядства“.

V. Далѣе г. Нильскій не можетъ „понять истиннаго смысла и цѣли“ моихъ разсужденій о правоспособности (Христ. Чт. 1876 г.

нояб.—дек. стр. 694 — 5), въ которыхъ я доказываю, что въ выговцамъ, если-бы они дѣйствительно были монахами, не приложимо слово „по возможности“ относительно соблюденія ими монашескихъ уставовъ. Я, въ свою очередь, не понимаю, что въ этихъ разсужденіяхъ непонятнаго. Если кто-нибудь сознательно и добровольно даетъ обѣтъ, ему никоимъ образомъ нельзя усвоить „возможность“, въ смыслѣ права, нарушать этотъ обѣтъ. Если выговцы были монахи, они должны были хранить цѣломудріе не по возможности только, какъ утверждаетъ г. Нильскій, а безусловно, тѣмъ болѣе, что настоятели, какъ говоритъ онъ же, приняли всѣ мѣры къ огражденію ихъ цѣломудрія. Въ этомъ же мѣстѣ своего отвѣта г. Нильскій недоумѣваетъ, какимъ образомъ я могъ сказать, что „масса Выговскаго населенія жила всегда такъ, какъ обыкновенно живутъ люди, никогда не давашіе обѣтовъ цѣломудрія“, когда, будто бы, самъ же называю ихъ монахами. Во первыхъ, какъ видно и изъ приведенныхъ г. Нильскимъ выдержекъ изъ моихъ статей (стр. 220 — 222), говоря приведенную фразу, я имѣю въ виду не насельниковъ обители Богоявленской, а выговцевъ вообще, говорю о „массѣ Выговскаго населенія“, о „насельникахъ выговскихъ пустынь и лѣсовъ“. Г. Нильскому извѣстно, что такъ называемые имъ выговскіе „монахи“, при всемъ многолюдствѣ Богоявленскаго монастыря, составляли лишь часть, и притомъ меньшую, выговскаго населенія. Во вторыхъ,—съ чего взять г. Нильскій, будто я считаю устроенную Андреемъ Денисовымъ обитель или общезнательство „монастыремъ“, а ея насельниковъ монахами? Мой противникъ утверждаетъ, что „вышеозначенный взглядъ на выговцевъ какъ монаховъ“ принадлежитъ не ему, г. Нильскому, а „самому автору братьевъ Денисовыхъ“. „Иной читатель не повѣритъ такому неожиданному открытію, восклицаетъ г. Нильскій. Прошу его прочесть слѣдующія слова г. Барсова изъ изслѣдованія „Братья Денисовы“ (слѣдуетъ довольно длинная выписка). „Кажется ясно, заключаетъ выписку г. Нильскій, что такое выговцы по мнѣнію г. Барсова: это—монахи, какъ часто и называетъ ихъ мой поч-

тенный противникъ. Какимъ же образомъ этимъ монахамъ ничего не оставалось дѣлать, при отсутствіи у нихъ брачнаго института, какъ грѣшить и каяться, каяться и грѣшить“. Если читатель дастъ себѣ трудъ перечитать приведенный г. Нильскимъ на стр. 221 отрывокъ изъ „братевъ Денисовыхъ“, онъ убѣдится, что въ немъ говорится вовсе не о томъ, что выговцы дѣйствительно были монахи, а лишь о тѣхъ побужденіяхъ, въ силу которыхъ Андрею Денисову „*нужно было*“ дать своему общежителю „*мнимо-монастырское устройство*“, и о тѣхъ *намѣреніяхъ*, съ какими приходило, *во времена гоненій*, на Выгъ большинство раскольниковъ. Что Андрей имѣлъ намѣреніе часть выговскаго населенія сдѣлать монахами, и дать своей общинѣ мнимо-монастырское устройство, что по внѣшнему своему виду община Андрея имѣла дѣйствительно видъ не погоста, какъ доказываетъ Щаповъ, а монастыря, была *пародіей* на монастырь, это я доказывалъ и, надѣюсь, доказалъ въ монографіи о Денисовыхъ (стр. 69—100); что дѣйствительность быта и жизни выговцевъ далеко не соответствовала предначертанному идеалу, что монастырь выговскій былъ монастыремъ лишь по названію или пародіей на монастырь, это я доказывалъ и въ упомянутой моей монографіи и въ статьѣ: „спорные вопросы“. Вотъ буквально мои слова по этому предмету:

«Насколько эти мнимые иноки были истинными монахами, насколько узаконяемые (настоятелями) монастырскіе чины и уставы выполнялись на дѣлѣ, это другой вопросъ. Уже одно то, что Андрею нужно было *доказывать* своей братіи, что ихъ община — монастырь, свидѣтельствуетъ, что братія «монастыря» такъ себя вели, что какъ будто забыли, что живутъ въ «монастырѣ» и проч. (Бр. Денис. стр. 85). «Отличіе этого «монастыря» отъ православнаго, кромѣ самозванства и незаконности происхожденія, состояло» и т. д. (—стр. 86).

Я говорилъ, что выговскіе „монахи“ не имѣли понятія о существѣ монашеской жизни и не были въ состояніи выполнять „монашескіе уставы“ (стр. 85). Слова: „монастырь“, „монахи“, когда я говорю о выговцахъ, у меня и въ книгѣ и въ статьяхъ, вывавшихъ настоящую полемику, всегда отмѣчены кавычками, — что

прямо указываетъ на то, что я считаю эти названія неправильно употребляемыми въ примѣненіи къ выговцамъ, или, что тоже, отнюдь не считаю выговцевъ за монаховъ.

Безпристрастный читатель послѣ этого самъ усмотритъ, на сколько справедливъ нашъ уважаемый расколѣдъ, когда утверждаетъ, будто взгляды на выговцевъ, какъ монаховъ, принадлежить самому автору „Братьевъ Денисовыхъ“, т. е. мнѣ.

VI. Г. Нильскій продолжаетъ думать, что Андрей Денисовъ жилъ „зѣло жестокииъ житіемъ“ и умеръ не отъ отравленія одною изъ его сожительницъ, какъ утверждаю я, а своею смертію. Вотъ тѣ доводы, которыми онъ надѣется доказать свое мнѣніе. Филиповъ, говоритъ онъ, непременно сообщилъ-бы въ своей исторіи объ этомъ отравленіи, если-бы оно было, такъ какъ-де выговскій историографъ на столько добросовѣстенъ, что не скрываетъ отъ своихъ читателей многихъ фактовъ, компрометирующихъ выговцовъ, наримѣръ того, что самосожигатели, предводимые инокомъ Іосифомъ, находясь въ заборѣ, были не безъ искушенія и грѣха, — что одинъ выговецъ, посланный за оленями, пропьянствовавъ двѣ недѣли, возвратился не исполнивъ возложеннаго на него порученія, — что во время розысковъ, по доносу Круглаго, появился (точнѣе: обнаружился) не только въ скитахъ, но и въ самомъ монастырѣ Богоявленскомъ непомѣрный развратъ. Свидѣтельство Григорія Яковлева, на которомъ я, между прочимъ, основываюсь, по словамъ г. Нильскаго, не заслуживаетъ вѣроятія, такъ какъ онъ былъ случайный, а не постоянный обитатель монастыря; къ тому же отступники рѣдко относятся безпристрастно къ своимъ прежнимъ единовѣрцамъ, въ слѣдствіе чего рассказъ Яковлева объ отравленіи Денисова и о его образѣ жизни долженъ быть признанъ тенденціознымъ.

По моему мнѣнію утверждать, что не было извѣстнаго факта, на томъ лишь основаніи, что о немъ не упоминаетъ рассказчикъ, прямо заинтересованный въ его сокрытіи, рассказчикъ, который по чувству личнаго самосохраненія, равно какъ по долгу своего служенія, долженъ былъ употребить всѣ средства къ тому, чтобы сок-

рыть этотъ фактъ, — не исторично. Разсказать о томъ, что когда-то, еще до основанія монастыря, собравшіеся около инока Іосифа молодые люди, хотя и къ смерти готовились, „не безъ искушенія и грѣха были въ запорѣ“, или какъ одинъ изъ рядовыхъ членовъ братства запыль и забыль о возложенномъ на него порученіи, можно было не особенно компрометируя общину, даже для того, чтобы тѣмъ болѣе правдоподобными казались другіе разсказы, хвалебные, о подвигахъ настоятеля и братіи. Умолчать о распутствѣ выговцевъ во время розысковъ по доносу Круглаго нельзя было уже по тому, что это распутство было у всѣхъ читателей сочиненія Филипова въ свѣжей памяти, что будучи обнаружено оффиціально, никоніанскими властями, оно получило огласку далеко за предѣлами обители, по мимо воли выговскаго исторіографа. Другое дѣло — разсказать о распутствѣ самого Андрея Денисова, главы всей Выгорѣцїи, творца всего строя жизни выговцевъ, и объ отравленіи его одною изъ любовницъ. Вѣдь это — не проступокъ противъ монастырской дисциплины, допущенный кѣмъ-либо изъ рядовой братіи, вѣдь это уголовное преступленіе, это — прямое подтвержденіе тѣхъ обвиненій, которыя давно слышались со стороны враговъ Выгорѣцїи, могшее повлечь за собою ни болѣе ни менѣе, какъ раззореніе обители.

„Восхваляя добродѣтели Андрея, которымъ дивился (говорить г. Нильскій), Филиповъ замѣчаетъ: не лаская тебя, отче, сія пишу, не буди сего, сладкій мой, — и такимъ замѣчаніемъ даетъ понять читателю, что говорить безпристрастно“. Можетъ быть, Филиповъ и хотѣлъ дать понять это читателю, но едва-ли, судя о дѣлѣ безпристрастно, читатель выведетъ изъ этихъ словъ заключеніе, какое выводитъ на основаніи ихъ г. Нильскій. Не только Филиповъ, но и современный историкъ, взвѣсивая массу личныхъ достоинствъ Андрея Денисова и его заслугъ для раскола, его трудовъ и подвиговъ — „научныхъ“, литературныхъ, организаторскихъ, — можетъ, положивъ руку на сердце, простить ему его грѣхопаденія; но разсказывать о нихъ въ „исторіи Выговской пустыни“, въ сочиненіи, которое слишкѣмъ далеко отъ того, чтобы быть объективнымъ и без-

пристрастнымъ разсказомъ, — въ сочиненіи, которое прямою своею задачей имѣло восхвалить и прославить обитель и ея передовыхъ дѣятелей и поучать раскольническому благочестію, — было бы, со стороны выговскаго историографа, выражаясь словами преосв. Филарета черниговскаго, дѣломъ неумнымъ, даже больше — просто лишеннымъ здраваго смысла.

«Лучшимъ доказательствомъ того, какъ мало вліяла на безпристрастіе выговскаго историка эпоха правительственныхъ разслѣдованій о жизни Выговцевъ, въ которую онъ писалъ свою исторію (продолжаетъ нашъ расколѣдъ), могутъ служить откровенные рассказы Филипова о взяточничествѣ тѣхъ самыхъ лицъ, которыя производили разслѣдованіе, и о подкупахъ, къ какимъ прибѣгали Выговцы».

На это я замѣчу: жаловаться на несправедливость судей и указать факты, ихъ компрометирующіе, совсѣмъ другое дѣло, чѣмъ разсказать нехорошія вещи про самого себя и про свое. Довести до свѣдѣнія „владыкъ внѣшняго міра“, какъ выражается Любопытный, о взяточничествѣ слѣдователей, значило поколебать значеніе ихъ донесенія на Выговцевъ; разсказать о распутствѣ достославнаго виновіарха и объ отравленіи его — значило подтвердить эти донесенія и навлечь на себя законную правительственную кару. На мой взглядъ, съ точки зрѣнія исторической критики, для того, чтобы признать разсказъ Григорія Яковлева заслуживающимъ полного довѣрія, вполне достаточно того, что онъ ничѣмъ прямо не опровергается, а напротивъ до нѣкоторой степени подтверждается косвенно многими обстоятельствами разсказа самого выговскаго историка. Такъ онъ описываетъ смерть Андрея вполне согласно съ тѣмъ, какъ изображаетъ ее Филиповъ, и оба изображаютъ ее какъ смерть скоростижную, отъ воспаленія въ мозгу: „три точію нощенства единою главнѣю болѣзнію (?) содержимъ, тяжкою же и великою единонощенствомъ, въ ней же толико жестоко обьяся, яко и языкъ отьяся“, говоритъ Филиповъ (Ист. Выгов. пуст. стр. 211). „Андрей, говоритъ Яковлевъ, внезапно смертнымъ огнемъ зараженъ бысть во главу, яко и языку его отъ того почерившу, и тако мучився нощенство едино, умре“ (Филарета „Обзоръ“, II, стр. 49). Г.

Нильскій, такъ хорошо знакомый съ моею монографіею о Денисовыхъ, забылъ, что я рассказываю о частной жизни Андрея на основаніи его біографіи, составленной значительно позже исторіи Филипова, уже въ царствованіе Екатерины II-й однимъ изъ его преемниковъ, Иваномъ Борисовымъ: какъ Андрей по-часту выѣзжалъ въ женскій Лексинскій монастырь, на что, вовсе не будучи старикомъ, одинъ имѣлъ право, для чего тамъ существовали для него особыя кельи, — „тамо и отвѣты Неофиту писаше“; какъ братія монастыря Бого-явленскаго смотрѣла на это подозрительно, а „нѣкіе продерзостные“ безъ церемоніи „зазирали“ настоятеля и въ слѣдствіе этого подвергались удаленію изъ монастыря. Къ числу этихъ продерзостныхъ очевидно принадлежалъ и Григорій Яковлевъ, котораго г. Нильскій совершенно напрасно считаетъ „случайнымъ“ обитателемъ монастыря (стр. 241): переселившись на Выгъ, Яковлевъ обучался и проживалъ въ келіи одного изъ корифеевъ выговской „старшины“, Трифона Петрова, затѣмъ завѣдывалъ въ монастырѣ чрезвычайно важною отраслью мѣстнаго производства — иконописаніемъ; очевидно, онъ могъ близко знать все, что дѣлалось въ монастырѣ, даже между настоятелями. „Я серьезно не признаю достовѣрнымъ несомнѣнно тенденціозный рассказъ Григорія Яковлева“, говоритъ нашъ расколовѣдъ. По моему же мнѣнію нѣтъ никакихъ основаній такъ думать о рассказѣ Яковлева. Ни г. Нильскій, ни я не имѣли подъ руками рукописи черниговской семинаріи, содержащей въ себѣ „извѣщеніе праведное о расколѣ безповоцщины, нелицемѣрное и чистое предъ Господомъ Богомъ, многогрѣшнаго Григорія Яковлева“. Мы можемъ судить объ этомъ сочиненіи лишь потому, что говорится о немъ въ „обзорѣ“ преосв. Филарета и должны положиться на авторитетъ покойнаго ученаго святителя. А онъ прямо говоритъ, что „благодаря сочиненію Яковлева, не только открываются намѣренныя лжи въ исторіи Филипова о выгорѣцкой киновіи (этотъ отзывъ ученаго святителя объ Иванѣ Филиповѣ я противопоставляю приведеннымъ моимъ противникомъ отзывамъ объ „исторіи выговской пустыни“ Александра Б. и Е. В. Барсова), но дополняются во многомъ свѣдѣ-

нія, добытыя розыскомъ по доносу Круглаго“. Если разсказъ „отступника“, какъ называетъ Яковлева г. Нильскій, долженъ быть, по его мнѣнію, непременно тенденціозенъ, не тѣмъ ли болѣе долженъ быть признанъ тенденціознымъ разсказъ Филипова о самомъ себѣ и своей паствѣ? Яковлевъ не былъ удаленъ изъ Выговскаго монастыря, а оставилъ его добровольно, и лично непріязненныхъ чувствъ, въ слѣдствіе какихъ-либо личныхъ счетовъ, не имѣлъ ни къ кому изъ выговцевъ: это былъ, очевидно, честный правдоискатель между раскольниками, въ родѣ Алексѣева или Вышатица, человекъ не менѣе ихъ искренній, но болѣе послѣдовательный, не поколебавшійся открыто перейти въ православіе, какъ скоро убѣдился въ несостоятельности раскола.

«Онъ старался (говорить преосв. Филаретъ) мирить толкуновъ, но послѣ жаркихъ споровъ о молитвѣ за Царя, объ антихристѣ и о перекрещиваніи, началъ видѣть, что ненависть фанатиковъ къ церкви несправедлива, старался увѣрить другихъ въ справедливости своихъ убѣжденій и на словахъ и на бумагѣ. Въ душѣ его началась борьба томительная, продолжавшаяся три года. Наконецъ по смерти отца онъ самъ явился въ Синодъ съ прошеніемъ о принятіи въ церковь».

Этотъ отзывъ преосв. Филарета тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что покойный святитель, какъ извѣстно, не отличался особенною довѣрчивостію и снисходительностію въ приговорахъ.

„Если отравленіе Денисова было извѣстно Яковлеву, говоритъ г. Нильскій, то, по всей вѣроятности, оно не было секретомъ и для другихъ обитателей монастыря Выговскаго“. Отчего же такъ, спрошу я? Почему извѣстное одному, должно быть извѣстно всѣмъ? Ни Халтуринъ, который впрочемъ вовсе не жилъ въ монастырѣ, бывъ дьячкомъ сосѣдняго погоста, ни Круглый, не имѣли той близости къ выговскимъ старѣйшинамъ, какою пользовался Яковлевъ, жившій въ кельѣ Трифона Петрова и самъ по себѣ бывший виднымъ лицомъ въ монастырѣ въ качествѣ завѣдывающаго иконописаніемъ. Тѣмъ менѣе могли быть извѣстны подробности интимной жизни настоятелей выговской массѣ, — она знала о немъ лишь то, что видѣла, и благоговѣла предъ настоятелями за ту вышнюю

святость и за тѣ бесспорные труды ихъ на пользу обители, какіе видимы были всѣми. — Еще г. Нильскій думаетъ, что упоминая о сожительницахъ Денисова, я противорѣчу самъ себѣ, такъ какъ въ монографіи о Денисовыхъ я сказалъ въ одномъ мѣстѣ, со словъ біографа Андрея, Ивана Борисова, что Андрей „боролся съ міромъ, тѣломъ и діаволомъ: съ міромъ чрезъ отверженіе, съ тѣломъ — чрезъ умерщвленіе, съ діаволомъ — чрезъ пощеніе и молитвы“. Я долженъ замѣтить на это, что эти слова сказаны мною объ Андрѣ-юношѣ, только что удалившемся въ пустыню изъ родительскаго дома подъ влияніемъ свѣжаго мистическаго порыва, и относить эту характеристику ко времени его настоятельства и смерти нельзя уже потому, что чрезъ двѣ-три страницы послѣ этихъ словъ я замѣтилъ, что еще прежде, чѣмъ сдѣлаться настоятелемъ, Андрей имѣлъ случай измѣнить свой образъ мыслей и отъ юношеской идеализаціи перейти къ болѣе трезвому взгляду на вещи (см. Бр. Денис. стр. 69), а дальше приведенъ и упомянутый выше рассказъ о проживаніи его на Лексѣ и объ отравленіи его одного изъ сожительницъ (тамъ же стр. 98). Послѣ всего этого я рѣшительно не понимаю, въ чемъ состоитъ мое противорѣчіе самому себѣ, которое усматриваетъ г. Нильскій въ этой части моихъ „спорныхъ вопросовъ“!

VII. Далѣе мой почтенный противникъ перебираетъ одно за другимъ всѣ приведенныя мною, въ подтвержденіе моего взгляда на жизнь выговцевъ, факты и ни въ одномъ изъ нихъ не находитъ той доказательности, какую усматриваю я. Посмотримъ насколько онъ правъ.

Въ подтвержденіе своего мнѣнія о существованіи разврата между выговцами *до основанія* монастыря, я прежде всего указывалъ на донесенія олонецкихъ властей — на такъ называемое „пудожское дѣло“ и „судное дѣло о разореніи Палеостровскаго монастыря“. Г. Нильскій по этому случаю замѣчаетъ:

«Г. Барсовъ, пользовавшійся указанными данными при составленіи своего изслѣдованія о Денисовыхъ и утверждавшій въ 1866 году, что въ то время, къ которому относятся эти данныя, дѣвственное житіе

было обязательно для всякаго поморца, что большая часть раскольниковъ, скитавшихся въ это время въ выговскихъ лѣсахъ, приходила въ пустыню именно ради иноческаго благочестнаго житія, и что наконецъ эти раскольники, подъ вліяніемъ разныхъ обстоятельствъ, пришли къ убѣжденію, что грѣшно не только думать объ удобствахъ и радостяхъ жизни, но даже жить семейною жизнію,—нынѣ *тѣже самыя данныя* приводить въ подтвержденіе своей мысли о распутствѣ выговцевъ! >

Я никакъ не могу понять, съ какой стати говорить все это мой почтенный противникъ. Пудожскимъ дѣломъ и суднымъ дѣломъ о разореніи Палеостровскаго монастыря я пользовался (см. Бр. Денисовы, стр. 78—9) для доказательства вовсе не той мысли, что „дѣвственное житіе было обязательно для всякаго поморца“ или что „раскольники считали грѣхомъ думать о радостяхъ жизни“; объ этомъ въ упомянутыхъ документахъ нѣтъ ни единого слова и, полагаю, къ нимъ не будетъ обращаться самъ г. Нильскій для доказательства этихъ ему одному принадлежащихъ мыслей: я ссылался на эти дѣла для доказательства мысли, прямо противоположной, именно той, что эти мнимые аскеты, душеспасительные подвиги которыхъ изображаетъ нашъ расколообличитель на стр. 24—31 своей книги, на самомъ дѣлѣ, какъ неоспоримо доказываютъ эти официальные правительственные акты, были даже послѣ того, какъ устроенъ былъ Денисовыми монастырь, „пущіе воры“, которые разбойничьи дѣйства чинили, что это были „злохудожные злые люди“, „воровскихъ людей терніе“, какъ выражается самъ ихъ настоятель, Андрей Денисовъ въ надгробномъ словѣ Петру Прокопьеву, что всѣ эти некрасивые эпитеты относятся между прочимъ къ сроднику Денисовыхъ, Емельѣ Второго (см. бр. Денис. стр. 78—9). Въ монографіи о Денисовыхъ есть фраза, что дѣвственное житіе было обязательно для поморцевъ *по ученію* Денисова, но отсюда еще далеко до того, чтобы я сталъ утверждать, что это ученіе настоятеля *осуществлялось въ жизни* выговцевъ; одно дѣло—идеаль, правила, другое жизнь дѣйствительная, и такъ какъ г. Нильскій хорошо знакомъ съ моимъ изслѣдованіемъ о Денисовыхъ, то ему должно быть извѣстно, до какой степени дѣйстви-

тельная жизнь выговцевъ несоотвѣтствовала предначертаннымъ Андреемъ правиламъ. Говорилъ я и то, что первоначальные насельники Выговской пустыни приходили въ нее съ самыми лучшими намѣреніями — ради благочестнаго иноческаго житія, но какъ осуществились эти намѣренія на самомъ дѣлѣ — это вопросъ другой, на который я, вопреки почтенному расколовѣду, отвѣчалъ отрицательно. Но, повторяю, говоря все это, я отнюдь не руководился ни Пудожскимъ дѣломъ, ни суднымъ дѣломъ о разореніи Палеостровскаго монастыря. Кромѣ свидѣтельства о томъ, что выговцы въ первыхъ годахъ XVIII столѣтія, когда поутихли гоненія на нихъ, были „пущіе воры“, въ этихъ документахъ есть разсказъ о томъ, что кромѣ разбоя и грабежа, пустынники занимались и похищеніемъ женщинъ, напримѣръ похитили „въ свои воровскіе станы, за озеро Онего“ жену нѣкоего Мишки, попова сына, подѣхавъ зимою ночью къ жилию его: на этотъ фактъ я и указалъ въ статьѣ „спорные вопросы“, какъ на такой, который на ряду со многими другими, обрисовываетъ жизнь выговцевъ въ совершенно иномъ свѣтѣ, нежели какъ изображаетъ ее нашъ почтенный расколовѣдъ. Г. Нильскій думаетъ, что этотъ фактъ не имѣетъ того смысла, который я въ немъ вижу, такъ какъ и Андрей Денисовъ сестру свою Соломонію увезъ изъ дома отца, да и Данило Вивулинъ „сестру жь свою съ ея мужемъ и дѣтьми увезъ съ Устрецкаго завода“. Что касается Соломоніи, то о ней у меня, на основаніи біографіи Денисова, составленной Борисовымъ, прямо сказано, что она переселилась къ брату добровольно — „той самой во слѣдъ Бога изволившей“ (бр. Ден. стр. 67). Добровольно же переселилась къ выговцамъ и сестра Данилы съ семействомъ, руководясь тѣмъ соображеніемъ, что „таковское сіе мѣсто по времени — тутъ-де сорока кашу варила“, какъ выражался отецъ Андрея Діонисій, послѣдовавшій примѣру своихъ дѣтей и также переселившійся на Выгъ. Отожествлять добровольное переселеніе сестеръ къ братьямъ съ похищеніемъ чужихъ женъ едва ли правильно. Еще г. Нильскій заявляетъ, будто въ похищеніи Мишкиной жены раскольниками я видѣлъ прежде проявленіе фана-

тизма, а не склонность къ распутству. Никогда я ничего подобнаго не говорилъ: мои слова о фанатизмѣ выговцевъ относятся не къ похищенію Мишкиной жены, а къ тѣмъ безчинствамъ и разбоямъ, какія они производили (стр. 79).

VIII. Слѣдующее свидѣтельство о развратѣ выговцевъ до основанія монастыря я указывалъ въ разсказѣ митроп. Игнатія о нѣкомъ Каргопольскомъ инокѣ Игнатіѣ (первомъ наставникѣ Андрея Денисова въ древнемъ благочестіи), который „собравъ около себя великое множество людей, женъ и дѣвицъ, и по наружности сохраняя видъ строгаго благочестія, тайно заповѣдывалъ имъ жить блудно, говоря, что это не грѣхъ, а любовь“. Г. Нильскій естественно не будучи въ состояніи объяснить это свидѣтельство въ свою пользу, безъ дальнихъ околичностей отвергаетъ его подлинность. Онъ дѣлаетъ подробный анализъ разсказа митрополита Игнатія о закланіи этими постниками новорожденнаго младенца и о изготовленіи изъ его сердца причащенія, и находитъ, что въ этомъ разсказѣ больше благочестивой ревности сибирскаго архипастыря, чѣмъ исторической правды. Г. Нильскій можетъ находить, что ему угодно; но сдѣланная имъ оцѣнка разсказа Игнатія, по моему мнѣнію, не выдерживаетъ критики. Въ дѣйствительности факта, разсказаннаго Игнатіемъ, г. Нильскій высказываетъ сомнѣніе не первый; но если даже признать, что въ подробностяхъ разсказа есть тѣ несообразности, какія указываетъ нашъ расколѣдъ, это, по моему мнѣнію, не даетъ еще права отвергать самый фактъ. Таковъ характеръ разсказовъ всѣхъ не непосредственныхъ свидѣтелей.— Въ настоящемъ случаѣ разсказъ митрополита Игнатія тѣмъ менѣе можетъ быть подвергнутъ сомнѣнію, что онъ повторяется, въ нѣсколько видоизмѣненномъ видѣ, и у св. Димитрія Ростовскаго. Впрочемъ въ настоящемъ случаѣ дѣло не въ этомъ разсказѣ о закланіи младенца и изготовленіи изъ его сердца причащенія: этотъ фактъ не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ распутству Выговцевъ, о которыхъ у насъ рѣчь. Я указывалъ моему противнику не на этотъ фактъ, а на свидѣтельство митр. Игнатія о томъ,

что инокъ Игнатій „повелѣваше всѣмъ блудствовать тайно безъ всякаго зазора, уча и глаголя: яко сіе есть любовь, точію да не вѣнчаются“ (Прав. Собес. 1855 г. кн. 2, стр. 116 — 117). Противъ этого свидѣтельства Игнатія г. Нильскій не сказалъ ни слова, а потому оно и остается во всей силѣ.

IX. Что касается разсказа инока Корнилія о бывшемъ ему искушеніи отъ нѣкоей вдовы, то г. Нильскій не отрицаетъ его достовѣрности, хотя и называетъ его анекдотомъ, и старается при этомъ ослабить его характеризующее значеніе по отношенію къ выговцамъ, на которое я указывалъ. „Не всѣ женщины, говоритъ онъ, похожи на ту вдову, у которой случилось заночевать Корнилію, тѣмъ менѣе женщины, жившія въ выговскихъ лѣсахъ ради спасенія, въ нуждѣ и постоянномъ страхѣ“. На сколько нужда и страхъ, замѣчу я, способны обуздывать плотскія вожделѣнія, объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствууетъ признанный и г. Нильскимъ, разсказъ историка выговской пустыни о бывшихъ въ запорѣ и къ смерти готовившихся огненной, которымъ это ихъ положеніе не попрепятствовало впасть въ искушеніе и въ грѣхъ. „Вообще заключать отъ частнаго къ общему не полагается логикой“. Но я, приводя разсказъ Корнилія, заключалъ на основаніи его не отъ частнаго къ общему, а *ab esse ad posse*; къ тому же мною приведенъ не одинъ фактъ, а цѣлая масса фактовъ, доказывающихъ распутство Выговцевъ. Большаго количества ихъ, чѣмъ сколько ихъ мною собрано, требовать едва ли справедливо, если принять въ соображеніе отдаленность отъ нашего времени той эпохи и скудость историческихъ не—раскольничьихъ повѣствованій о жизни Выговцевъ того времени.—Г. Нильскій указываетъ на то, что я назвалъ вдову, у которой однажды заночевалъ Корнилій, пустыннолицей, а жилище ея—кельей. Неужели мой противникъ не понимаетъ, что я употребилъ эти названія въ смыслѣ ироніи, примѣняясь къ образу рѣчи его самого? „Правда, говоритъ еще нашъ расколѣдъ, я привелъ разсказъ о впавшихъ въ искушеніе самосожигателяхъ не въ томъ мѣстѣ, гдѣ слѣдовало бы, по мнѣнію г. Барсова; но если

и согласиться, что авторъ „Денисовыхъ“ съ большимъ, чѣмъ я, искусствомъ расположилъ бы содержаніе первой главы моей книги, все же несомнѣнно, что разбираемое свидѣтельство я привелъ не въ доказательство цѣломудрія обитателей выговскихъ лѣсовъ, и значить увѣреніе г. Барсова, будто бы я отрицаю самое существованіе разврата между Выговцами—не имѣетъ основанія“. Что г. Нильскій привелъ рассказъ о впавшихъ въ искушеніе самосожигателяхъ не въ доказательство цѣломудрія Выговцевъ, это, я полагаю, не особенная заслуга; этого не сдѣлалъ бы рѣшительно никто; а что онъ не привелъ этого рассказа, какъ и другихъ, тамъ гдѣ слѣдовало, и что чрезъ это опущеніе его изложеніе на стр. 24—31 получило совершенно превратный смыслъ, это для меня не подлежитъ сомнѣнію. Тутъ, какъ я уже замѣчалъ, дѣло не въ искусствѣ располагать доказательства, а въ присутствіи ошибочнаго воззрѣнія на сущность вопроса, воззрѣнія, въ силу котораго этотъ фактъ, какъ и другіе, сознательно игнорируются тамъ, гдѣ они имѣютъ не только характеризующее но и опредѣляющее значеніе.

Х. Переходя къ разсмотрѣнію приведенныхъ мною свидѣтельствъ о развратѣ Выговцевъ *со времени основанія Денисовымъ монастыря*, г. Нильскій замѣчаетъ:

«Въ указѣ Св. Синода отъ 2-го августа 1727 г. сказано, что главные раскольническіе учителя, не посвященіи суще, церковныя дѣйства держаютъ чинить, свадьбы вѣнчаютъ, перекрещиваютъ, отпѣваютъ; но изъ того, что настоятели выговскаго монастыря вѣнчали свадьбы, не слѣдуетъ, что выговцы вели жизнь распутную».

И такъ г. Нильскій сознается, что выговскіе настоятели свадьбы вѣнчали. Куда же дѣвалась пресловутая теорія нашего почтеннаго расколовѣда о томъ, что выговскими настоятелями узаконено было безбрачіе, и что выговцы проводили жизнь строго дѣвственную? Что нибудь одно изъ двухъ: или г. Нильскому нужно отказаться отъ своей теоріи о безусловномъ цѣломудрії Выговцевъ, или признать синодальный указъ 1727 года неосновательнымъ. Нашъ расколовѣдъ предпочитаетъ вовсе уклониться отъ рѣшенія

этой дилеммы. Съ своей стороны замѣчу, что если выговскіе настоятели дерзали свадьбы вѣнчать не посвященіи суше, то, очевидно, они сами облекали въ видимо законныя формы развратъ своей паствы, потому что не только съ точки зрѣнія православной, но и съ точки зрѣнія раскольнической, съ точки зрѣнія самихъ выговскихъ настоятелей, какъ это видно изъ разсужденій Андрея Денисова, приведенныхъ въ книгѣ г. Нильскаго (стр. 21), этимъ повѣнчаніямъ никакъ нельзя усвоить значенія правильныхъ браковъ.

«Точно также несправедливо г. Барсовъ ссылается и на показаніе Круглага: изъ того, что въ нѣкоторыхъ скитахъ раскольники жили съ женами и дѣтьми въ однихъ кельяхъ, скорѣе слѣдуетъ то, что они жили съ своими женами хотя и единокелейно, но цѣломудренно, чѣмъ то, что они развратничали». «Отсутствіе у нихъ дѣтей естественнѣе объяснять воздержаніемъ ихъ отъ супружескихъ сношеній, чѣмъ развратомъ».

Я не берусь рѣшать вопросъ о томъ, насколько физически возможно „мужу и женѣ“, находясь въ одной кельѣ, „воздерживаться отъ супружескихъ сношеній.“ Но я позволю себѣ спросить: если это возможно, то зачѣмъ было Андрею Денисову отдѣлять въ своей обители мужчинъ отъ женщинъ сначала завѣсою, потомъ стѣной, а наконецъ все удалить однѣхъ отъ другихъ на цѣлыя двадцать верстъ? Что значать жалобы выговскаго настоятеля на тѣ труды, какихъ стоило ему раздѣленіе сѣна отъ огня (Бр. Денис. 72)? И какъ это такъ могло случиться, что мужа съ женами, живя единокелейно, воздерживались отъ супружескихъ сношеній и жили вполне цѣломудренно, а парни и дѣвки, живя отдѣльно другъ отъ друга, жили „безчинно“ и дѣтей прижили? Здѣсь я долженъ сказать, что, созидая свою неправдоподобную теорію сожительства мужей съ женами, какъ братьевъ съ сестрами, нашъ почтенный расколовѣдъ очевидно введенъ былъ въ заблужденіе неправильнымъ пониманіемъ свидѣтельства Ивана Алексѣева. На вопросъ этого правдоискателя: „кои по познаніи тако сопрягошася, како съ ними поступати (т. е. если кто, совратившись въ расколъ, начнетъ сожительствовать съ женщиной

безъ всякаго благословенія или вѣнчанія—*так*о, или говоря фразой Аввакума — *просто*), Андрей Денисовъ, говоритъ Алексѣевъ (въ своемъ сочиненіи „О тайнѣ брака“), отвѣчалъ: таковыхъ у насъ на низу обще подъ цѣломудренное житіе въ соединеніе братства принимать положено“. Г. Нильскій думаетъ, что здѣсь рѣчь идетъ о мужѣ съ женой, вѣнчанныхъ въ православной церкви и затѣмъ пренявшихъ расколъ. А я полагаю, что здѣсь говорится не о мужѣ съ женою, вѣнчанныхъ въ православной церкви и потомъ совратившихся въ расколъ, а о четѣ супруговъ, которые уже „по познаніи“ раскола „такъ сопрягошася“, т. е. стали жить брачною жизнію помимо не только вѣнчанія, котораго негдѣ было взять, но и какого-бы то ни было вида молитвеннаго благословенія. Затѣмъ г. Нильскій думаетъ, что смыслъ отвѣта Андрея Денисова на вопросъ Алексѣева тотъ, что такимъ лицамъ, по выговскимъ законамъ, позволялось продолжать совмѣстное жительство („обще“) съ запрещеніемъ однакожъ супружескихъ сношеній („подъ цѣломудренное житіе“). По моему мнѣнію смыслъ отвѣта Андрея совсѣмъ другой. По выговскимъ правиламъ чету супруговъ, невѣнчанныхъ въ церкви, а вступавшихъ въ сожительство другъ съ другомъ уже по совращеніи въ расколъ, помимо какого-бы то ни было молитвеннаго благословенія („кои по познаніи *так*о сопрягошася“) вообще, безъ всякихъ исключеній, общимъ правиломъ („обще“), если они переселялись въ „Выгорѣцію“, полагалось принимать въ соединеніе братства церковнаго (т. е. въ общежительство Андрея) подъ цѣломудренное житіе, т. е. подъ тотъ родъ жизни, какой былъ установленъ въ общежительствѣ Андрея: мужчины поселялись въ мужскомъ Богоявленскомъ монастырѣ, а женщины—въ Лексинскомъ крестномъ. О такомъ именно образѣ жизни говорятъ Андрей Іоанновъ, когда замѣчаетъ, что выговцы, „обязывая всѣхъ жить дѣвственно, женатыхъ *разводили* на чистое житіе“ (полное истор. извѣстіе, стр. 68). Мнѣ кажется, что такой порядокъ вещей вполне соответствовалъ какъ буквѣ Денисовскаго уложенія и монастырскимъ порядкамъ, введеннымъ Денисовыми въ ихъ общежительствѣ, такъ и общему

характеру догматическихъ воззрѣній Андрея Денисова въ частности. Но, что всего важнѣе, того смысла, какой придаетъ отвѣту Денисова нашъ расколѣдъ, этотъ отвѣтъ не можетъ имѣть въ виду того толкованія, какое даетъ ему самъ Алексѣевъ, авторитетъ котораго въ настоящемъ случаѣ не можетъ подлежать сомнѣнью. Андрей, по мнѣнью Алексѣева, былъ слишкомъ свѣдущъ въ церковныхъ канонахъ и вообще слишкомъ разуменъ, чтобы допустить такую вопиющую несообразность, какъ дозволеніе единокелейнаго проживанія бывшихъ мужа и жены, мужчины и женщины, которымъ предписано соблюдать въ отношеніи другъ друга цѣломудріе, быть какъ братъ съ сестрой. Во первыхъ это прямо противорѣчило бы 30-му правилу VI-го вселенскаго собора, а во вторыхъ Андрей не могъ не знать, что когда папа Григорій, вѣлѣвшій іереямъ развестись съ своими женами и соблюдать цѣломудріе, позволилъ имъ однакожь жить вмѣстѣ съ бывшими своими женами, то „сія заповѣдь такую бѣду принесетъ, яко предъ очима его шесть тысячъ главъ младенческихъ рыболовныя снасти извлекли изъ моря во объясненіе тайныхъ дѣлъ оныхъ іереевъ“. Далѣе Алексѣевъ находитъ, что если бы въ вышеприведенномъ отвѣтѣ Андрея содержалось разрѣшеніе совмѣстнаго проживанія бывшихъ мужа и жены, то вмѣстѣ съ тѣмъ подразумѣвательно въ нихъ содержалось и разрѣшеніе супружескихъ сношеній — „немощи ради развращеннаго народа“. Такъ понимали отвѣтъ Андрея, продолжаетъ Алексѣевъ, всѣ, близкіе къ нему, знакомые съ его сокровенными намѣреніями: Леонтій Ѳедосѣевъ, отъ боку Андрея Діонисевича сущій, когда въ Малороссіи уставщикъ Яковъ Семеновъ спрашивалъ его о братѣ своемъ Петрѣ, да повелить въ общеніе церковное въ новомъ бракѣ принять, ни мало вопреки глагола, но повелѣ его пріяти *просто* съ женою. Еже тамо Андрей за грубіяństwo народное присуди по немощи, что Леонтій явственно показа крѣмое“. Я не знаю, какъ объяснить, что г. Нильскій просмотрѣлъ какъ свидѣтельство Андрея Іоаннова, такъ и это замѣчательное свидѣтельство, столь категорически рѣшающее занимающій его вопросъ. Эти слова Алексѣева онъ могъ читать если не въ са-

можъ сочиненіи его „о тайнѣ брака“, которое онъ, впрочемъ, не одинъ разъ цитуетъ въ своемъ изслѣдованіи, то въ моей книгѣ о Денисовыхъ (стр. 91); самъ онъ приводитъ отвѣтъ Андрея игнорируя лишь объясненіе его Алексѣевымъ, можетъ быть именно потому, что это объясненіе прямо опровергаетъ его теорію о совѣстномъ, но, въ тоже время, цѣломудренномъ житіи бывшихъ мужа и жены. Не правъ ли я былъ, когда говорилъ, что Нильскій игнорируетъ все, что не подходитъ подъ его предвзятую мысль?

«Что касается указанія г. Барсова на то, что будто-бы въ тѣхъ-же скитахъ, о которыхъ давалъ показаніе Круглый, раскольники жили безчинна съ невѣнчанными дѣвками и приживали отъ нихъ дѣтей, то мнѣ просто совѣстно доказывать, что эти послѣдніе скиты не тѣ, о которыхъ показывалъ Круглый: въ скитахъ, въ которыхъ, по словамъ Круглаго, не было новорожденныхъ дѣтей, раскольники жили не съ невѣнчанными дѣвками, а съ своими законными женами, съ которыми они вступали въ бракъ въ православной церкви до перехода въ расколъ. Поэтому, еслибы даже у этихъ послѣднихъ были дѣти, и въ такомъ случаѣ ихъ нельзя было бы обвинять въ развратѣ, такъ какъ они раждали дѣтей отъ своихъ законныхъ женъ».

На это я отвѣчу: совѣстливость—дѣло хорошее, но мнѣ все-таки жаль, что нашъ почтенный расколѣвѣдъ не потрудился доказать то, что ему „совѣстно доказывать“, такъ какъ я все-таки не понимаю на какомъ основаніи онъ различаетъ одни скиты, въ которыхъ жили „мужья съ женами“, отъ другихъ, въ которыхъ будто-бы жили одни парни съ „невѣнчанными дѣвками“. Устройство скитовъ, всѣхъ безъ различія, было одинаковое; во всѣхъ ихъ раскольники жили смѣшанно, мужчины съ женщинами, мужья съ женами, повѣнчанные въ православной церкви съ своими дѣтьми, и невѣнчанные парни съ своими посестрѣями, и для всѣхъ ихъ, по мнѣнію г. Нильскаго, было обязательно по ученію безпоповщины, безусловное цѣломудріе, котораго, по моему мнѣнію, всѣ они однакожь и знать не хотѣли. Если для всѣхъ выговцевъ безъ исключенія безбрачіе и абсолютное цѣломудріе, по правиламъ Денисова, было общеобязательнымъ закономъ, и даже мужья съ женами, законно повѣнчанные

въ прав. церкви, поселившись въ выговскихъ лѣсахъ, должны были, по мнѣнію самого г. Нильскаго, проводить хотя и единодомовное, но цѣломудренное житіе, то откуда же вдругъ могли взятыя въ скитахъ мужья, которые имѣли право законно раждать отъ своихъ женъ дѣтей? Еще. Г. Нильскій говоритъ, что показаніе Круглаго относится къ 1738-му году, а Филиповъ рассказываетъ о томъ, что было послѣ Кругловщины. Но, какъ извѣстно, Иванъ Филиповъ скоро послѣ „Кругловщины“ умеръ, такъ что разстояніе между двумя фактами, о которыхъ онъ рассказываетъ—о скитахъ, въ которыхъ были открыты дѣторожденія по доносу Круглаго, и о тѣхъ, въ которыхъ, будтобы, жили одни парни съ невѣнчанными дѣвками — не превышаетъ, по моему мнѣнію, двухъ лѣтъ. Мнѣ кажется, что развратъ, о которомъ рассказывалъ Круглый (въ скитахъ, въ которыхъ, по мнѣнію г. Нильскаго, жили законно повѣнчанные мужья съ женами) и тотъ, о которомъ говоритъ Филиповъ („парни, съ невѣнчанными дѣвками безчинно жившіе“), если не составляютъ одинъ и тотъ же фактъ, то находятся между собою въ близкой родственной связи. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что неизвѣстный ладожанинъ, который „всѣхъ дѣвокъ, безчинно жившихъ, описалъ, и сколько въ коемъ скиту ребятъ родилось у дѣвокъ, и кто прижилъ“, „крамолился“, по выраженію Круглаго, именно съ Ладожскимъ скитомъ и на него написалъ означенное доношеніе; а Ладожскій скитъ значитъ въ числѣ тѣхъ, о которыхъ показывалъ Круглый, и случилось это именно „послѣ Кругловщины“, т. е. непосредственно за нею (см. ист. Выгов. пуст. стр. 436). Далѣе. Изъ скитовъ, рассказываетъ Филиповъ, приходили въ комиссію дѣвки и били челомъ на тѣхъ, которые имъ ребятъ прижили и не кормятъ ихъ и дѣтей и за себя не возьмутъ — обманули“: значитъ сожительство этихъ дѣвокъ съ парнями было установившимся, такъ сказать узаконеннымъ со стороны выговскихъ властей фактомъ. Во всякомъ случаѣ изъ обоихъ свидѣтельствъ—Круглаго и Филипова—съ очевидностію открывается, что въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ прошедшаго столѣтія во всѣхъ ски-

тахъ развратъ существовалъ повсемѣстно и одновременно, и что въ этомъ отношеніи между ними различія никакого не существовало.

«Извѣстно, говоритъ еще г. Нильскій, что продолжавшіеся нѣсколько лѣтъ розыски по доносу Круглаго *были причиною* появленія въ скитахъ, равно какъ и въ самыхъ монастыряхъ, того нравственнаго распаденія и разложенія (т. е. распутства?), о которыхъ отказывается говорить Филиповъ».

Признаюсь, этого я совсѣмъ не понимаю: какимъ образомъ розыски по доносу Круглаго могли быть *причиною* того, что черезъ годъ послѣ этого доноса оказалось громадное количество раскольниковъ, безчинно съ невѣнчанными дѣвками жившихъ? Это какая-то загадка, которой разгадать я не умѣю. Мнѣ кажется, что коммисія лишь привела въ ясность—обнаружила фактъ повсемѣстнаго распутства въ скитахъ: это-ли хочеть сказать нашъ расколовѣдъ, когда говоритъ о „распаденіи и разложеніи“? Но вѣдь и Филиповъ рассказываетъ объ этомъ распутствѣ, о невѣнчанныхъ дѣвкахъ и прижитыхъ ими ребятахъ и проч., обвиняя впрочемъ (не такъ, какъ г. Нильскій) не коммисію, а самихъ раскольниковъ. Г. Нильскій является апологетомъ выговцевъ до того, что взваливаетъ ихъ грѣхи на ни въ чемъ неповинную коммисію и оправдываетъ раскольниковъ даже въ то время, когда ихъ винить самъ выговскій настоятель!

XI. Опровергать сказанное мною о характеризующемъ, по отношенію къ разсматриваемому предмету, значеніи свидѣтельства Арсенія Маціевича г. Нильскій отказывается. Вмѣсто опроверженія того, что опровергнуть никоимъ образомъ невозможно, мой противникъ предлагаетъ мнѣ рядъ не совсѣмъ относящихся къ дѣлу вопросовъ, на которые, впрочемъ, я не отказываюсь отвѣчать.

1) «Если допустить, согласно съ словами Маціевича, что выговцы удалились въ пустыню не богораднаго ради житія, а ради самовольства, то почему г. Барсвъ считаетъ ошибочнымъ мнѣніе покойнаго Шапова будто расколъ ввелъ у себя безбрачіе не въ-слѣдствіе прекращенія священства въ немъ, а въ видахъ поблажки ищѣмъ не сдер-

живаемому разврату, къ которому будто бы склонень былъ особенно нашъ народъ въ эпоху появленія раскола?»

Во первыхъ г. Нильскому должно быть извѣстно, что я не принимаю свидѣтельства Арсенія во всѣхъ его подробностяхъ. Я допускаю, что раскольники на первыхъ порахъ—до изданія извѣстнаго указа Петра I-го, давашаго выговцамъ свободу вѣроисповѣданія и выборное самоуправленіе,—приходили на Выгъ ради иноческаго благочестнаго житія, и лишь послѣ этого указа, получивъ полную независимость отъ общей гражданской администраціи, они, вмѣстѣ съ самоуправленіемъ, усвоили себѣ и самовольство и предались тому необузданному разврату, который обнаруженъ былъ (а не появился лишь впервые) слѣдствіемъ по доносу Круглаго, и о которомъ отказывается говорить Филиповъ срама ради. Согласно этому свидѣтельству Филипова и показаніямъ Круглаго, я признаю вполне авторитетнымъ свидѣтельство Арсенія о самомъ фактѣ этого распутства, о томъ, что въ это время они „и грѣхъ содомскій и грѣхъ свальный, и дѣтоубійство, въ языцѣхъ на силу именуемыя, за грѣхъ не вмѣняли“. Объ этомъ у меня довольно сказано въ монографіи о Денисовыхъ (см. стр. 85, 87, 98 и др.).

2) «Если грѣхъ свальный былъ возведенъ выговцами въ принципъ, въ доктрину, то какое различіе между поморцами и еедосѣвцами?»

Мнѣ этотъ вопросъ кажется нѣсколько страннымъ послѣ того, какъ г. Нильскій привелъ (см. выше) столь нравственное постановленіе новгородскихъ еедосѣвцевъ, воспреещающее не только грѣхъ свальный, но и какой бы то ни было нормальный видъ брачнаго сопряженія. Я, съ своей стороны, никогда не говорилъ, что грѣхъ свальный возведенъ былъ выговцами въ доктрину: онъ допускался ими, терпѣлся, но считался всегда грѣхомъ, хотя невольнымъ и лишь до нѣкоторой степени извинялся извѣстными изрѣченіями: „не согрѣшишь—не покаешься, не покаешься—не спасешься“; „тайно содѣянное тайно и судится“, и проч. Еедосѣвцы же возвели этотъ грѣхъ въ теорію: хотъ семерыхъ дѣтей роди, только замужъ не ходи (см. также приведенное выше свидѣтельство Яковлева).

3) «Если выговцы проповѣдывали свальный грѣхъ, то какъ объяснить постоянныя наставленія ихъ настоятелей о чистотѣ тѣлесной?»

Фактъ открытой проповѣди свальнаго грѣха мнѣ извѣстенъ одинъ—это проповѣдь Игнатія Повѣнцекаго, о которой сообщаетъ митр. Игнатій. Со времени настоятельства Денисова такихъ фактовъ я не знаю. Въ это время однакожъ онъ допускался, терпѣлся, настоятели закрывали глаза на то, что дѣлалось около нихъ, представляя самимъ грѣшникамъ хоронить концы. Этимъ объясняется существованіе между выговцами дѣтоубійства, о которомъ упоминаетъ Маціевичъ. Что выговскіе настоятели смотрѣли сквозь пальцы на развратъ своей паствы, доказательствомъ этого служить то, что Филиповъ заговорилъ о немъ не прежде его обнаруженія комиссіей, производившей разслѣдованіе по доносу Круглаго.

4) «Если развратъ составлялъ правило жизни для выговцевъ (этого я никогда не говорилъ), то чѣмъ ихъ монастырь заслужилъ у раскольниковъ то нравственное значеніе, о которомъ говоритъ авторъ братьевъ Денисовыхъ?»

Отвѣчаю:—внѣшнимъ благоустройствомъ своимъ, „премудрыми“ правилами и уставами настоятелей, избыткомъ внѣшней набожности и богомоленій, обиліемъ „научной“ (въ раскольниковомъ смыслѣ) и литературной производительности, вообще всѣмъ тѣмъ, что составляетъ плодъ личныхъ достоинствъ и энергіи настоятелей и другихъ знаменитыхъ „мужей“, ихъ окружавшихъ и имъ содѣйствовавшихъ.

XII. Позволяю себѣ думать, что я не оставилъ безъ отвѣта и объясненія ничего изъ того, что въ статьѣ И. О. Нильскаго заслуживало разсмотрѣнія въ интересахъ разъясненія спорныхъ между мною и нашимъ почтеннымъ расколовѣдомъ вопросовъ изъ первоначальной исторіи безпоповщины. Полагаю, что сказаннаго вполне достаточно для того, чтобы читатель убѣдился, что я имѣю основаніе не отказываться ни отъ чего изъ того, что сказано мною въ статьѣ, вызвавшей опроверженіе со стороны нашего почтеннаго расколовѣда, а также—что въ этой статьѣ нѣтъ съ моей стороны ни промаховъ, ни противорѣчій самому себѣ, которые видитъ въ ней мой противникъ.

Мнѣ остается, въ заключеніе, дать отвѣтъ относительно жоей мнимои „измѣны убѣжденіямъ“, о которой мимоходомъ еще разъ упоминаеть почтенный расколовѣдъ (см. Христ. Чтен. январь—февраль 1877 г. стр. 259). Прежде всего: „измѣна убѣжденіямъ“, если бы она и имѣла мѣсто въ данномъ случаѣ, не всегда бываетъ дѣломъ предосудительнымъ и не хорошимъ, а иногда является дѣломъ нравственнаго долга и всегда похвальнаго исканія истины. За примѣрами ходить не далеко: стоитъ лишь вспомнить исторію достопочтеннаго о. Павла прусскаго, нѣкогда одного изъ главныхъ вождей раскола, а нынѣ одного изъ лучшихъ расколообличителей. Отношенія раскольниковъ вообще къ православной церкви, по крайней мѣрѣ лучшихъ изъ нихъ, весьма близки къ тому, что мы называемъ убѣжденіями (въ строгомъ смыслѣ этимъ именемъ нельзя назвать ихъ потому, что имъ недостаетъ, большею частію, разумности и сознательности вѣрованій и чувствованій); но кто не пожелаетъ, чтобы этотъ темный людъ, богатое и глубокое религиозное чувство котораго питается такою недостойною пищею, измѣнилъ свой раскольническій образъ мыслей на православный? Между врагами Евангелія и Откровенія Божественнаго, такъ называемыми отрицателями, еще чаще встрѣчаются личности, искренно убѣжденные; но кто не пожелаетъ, чтобы Господь призвалъ ихъ въ чудный свой свѣтъ? Но главное: то, на что указываетъ мой противникъ, какъ на факты жоей измѣны „убѣжденіямъ“, съ тѣмъ, что дѣйствительно называется этимъ почтеннымъ и дорогимъ именемъ, ничего общаго не имѣеть. Убѣжденіями называются основныя воззрѣнія человѣка на главные предметы общечеловѣческаго міросозерцанія, воззрѣнія, составляющія конечный итогъ его духовно-нравственнаго развитія. Таковы воззрѣнія религиозныя или антирелигиозныя въ области метафизики, прогрессивныя или ретроградныя въ сферѣ социологіи, и т. п. Какое значеніе по отношенію къ подобнымъ предметамъ можетъ имѣть вопросъ о томъ, какъ жили Выговцы во времена оны, цѣломудренно или распутно, были-ли у нихъ браки того или другаго вида, или существовало обще-обязательное безбрачіе? Въ сферѣ подобныхъ вопросовъ измѣненія въ воззрѣніяхъ, подъ влияніемъ новыхъ фактическихъ

данныхъ, даже обязательны для всякаго честнаго мыслителя: здѣсь „неустойчивость въ воззрѣніяхъ“ свидѣтельствуетъ о поступательномъ движеніи человѣческой мысли и составляетъ одно изъ необходимыхъ условій прогресса научныхъ знаній.

Н. Барсовъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки